

«Э» ПИЗОД одесского увлечения Пушкина Амалией Ризнич принадлежит к интереснейшим и запутаннейшим пунктам биографии поэта, — писал П. Е. Щеголев, пытаясь определить, какие из его стихотворений посвящены ей. На этот вопрос пробаовали ответить многие, но он так и остается до конца не выясненным.

Описывая «очарования» Одессы, Пушкин вспомнит оперный театр:

...А лаж, где, красой блистая,
Негоциантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабов окружена?
Она и внемлет и не внемлет
И каватине, и мольбам,
И шутке с лезвием пополам...
А муж — в углу за нею дремлет.
Вспросонках фора закричит,
Зевнет и — снова захрипит.

Это о супруге Ризнич. Сложнее со стихами, в которых нет наводящих определений.

Иван Ризнич (для итальянцев — Джованни, в России — Иван Степанович), серб по национальности, уроженец принадлежавшего Австрии Триеста, обосновался в Одессе, где занимался «хлебными операциями». Рассказывали, что в 1822 г., когда ему исполнилось 30 лет, Ризнич уехал за границу и, женившись на дочери венского банкира Амалии Рипп, весной следующего года привез ее в Одессу. «Г-жа Ризнич, — свидетельствовали потом старожилы, — была молода, высока ростом, стройна и необыкновенно красива. Особенно привлекательны были ее пламенные очи, шея удивительной формы и белыни и черная коса, более двух аршин длиною. У графов Воронцовых Амалия принята не была. «Зато все молодые люди, принадлежавшие к этому кругу, собирались в доме Ризнич». Три десятилетия спустя, остепенившись, они отзывались об Амалии неодобрительно. Слшком уж она любила веселье, танцы, карточную игру.

Пушкин признавался В. Ф. Вяземской в любви к Амалии Ризнич. Да и много позже ее имя появится в так называемом «Дон-Кихотском списке» поэта. Но у него был соперник. И если на стороне Пушкина, вспоминали одесские старожилы, «были молодость и пыл страсти», то «на стороне соперника — золото». Тема мучительной страсти, «ревнивого припадка» станет одной из примет, по которой будут определять, какие из стихотворений могут быть связаны с Амалией Ризнич. Впрочем, казалось, страсть была хотя и бурной, но непродолжительной.

1 января 1824 г. Амалия родила сына, вскоре умершего. А весной обострилась болезнь, которой она, наверное, страдала и раньше. Проявились признаки чахотки, и в мае Ризнич отправил ее лечиться за границу. Говорили, что за ней последовал поклонник, быстро, однако, ее оставивший, а через год она скончалась, брошенная и мужем. Пушкин узнал об этом в Михайловском еще год спустя и признался:

Из равнодушных лет я слышал
Смерти ее, и равнодушно ей внимал я.

Однако та же вещь, очевидно, воскресила в памяти пережитые муки ревности, и он, посвятив им две строфы, предназначавшиеся для «Евгения Онегина», с облегчением восклицает:

Но он прошел, сей таящий день:
Почти, мучительная тень!

«Но тень не почилась», — писал В. Вересаев, предлагая перечень, дополненный позже Т. Г. Цявловской, произведений, посвященных Амалии Ризнич. Это «Ночь» («Мой голос для тебя и ласковый и томный...»), «Простишь ли мне ревнивые мечты...», «Как наше сердце своенравно!», «Все кончено: меж нами связи нет...», опущенные при публикации как слишком личные XV и XVI строфы главы шестой и другие приводившиеся мною строки из «Евгения Онегина», «Под небом голубым страны своей родной...», «Для берегов отчизны дальней...» и «Заклинание» («О, если правда, что в ночи...»). Соблазнительная версия! Перечитай эти стихи, и они сольются в историю любви, которая, пройдя через муки ревности, будто бы угасла, но много лет спустя, болдинской осенью 1830 г., вспыхнула вновь, вылившись в заключенные тени умершей возлюбленной:

...Приди, как дальняя звезда,
Как легкий звук иль дуновение,
Иль как ужасное виденье,
Мне все равно: сюда, сюда!..

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомнемся мучась... но, тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой: сюда, сюда!

Правда, многие не согласны с тем, что все названные стихи посвящены Амалии Ризнич. Помочь решить этот спор могли бы свидетельства, исходящие от самого поэта.

В 1971 г. ВЫШЛА посмертно книга А. Н. Голенищева-Кутузова «Творчество Данте и мировая культура». Есть в ней авторская сноска: «В предвоенные годы мне случилось быть в Триесте, где от родственника-негоцианта Ризнич я узнал о переданных им протоиерею сербской православной церкви, писавшему историю сербов в Триесте, письмам А. С. Пушкина к Амалии Ризнич...» Это сообщение не могло не заинтриговать пушкинистов. Н. Я. Эйдеман говорил мне, что у академика М. П. Алексеева как будто имеется

«Для берегов отчизны дальней...»

Однажды Пушкин чуть было не проговорился:

Я вспомню речи неги
Страстной,
Слова тоскующей любви,
Которые в минувши дни
У ног Амалии прекрасной
Мне приходили на язык,
От коих я теперь отвык.

Назвал имя и только в Беловой рукописи заменил безымянным «ЛЮБОВНИЦЫ ПРЕКРАСНОЙ».

письмо из Италии, совпадающее со сведениями Голенищева-Кутузова. М. П. Алексеев подтвердил: да, у него есть такое письмо от преподающего в университете г. Удине итальянского русиста с сугубо русской фамилией Иванов, который, однако, пишет, что получить доступ к письмам Пушкина чрезвычайно трудно. В те годы я работал в Италии, и Михаил Павлович сказал, что было бы хорошо, если мне удастся что-нибудь выяснить об этих окруженных такой тайной письмах...

При встрече с профессором Ивановым в Удине у меня сложилось впечатление, что он, зная о письмах Пушкина от Голенищева-Кутузова, сам и не пытался познакомиться с ними.

...Поезд пришел в Триест под вечер. Завезав в гостиницу, вышел на улицу. Смеркалось, но небо было еще светлое. Вдали серебрились по-византийски приплюснутые купола церкви Святого Спиридона. В тот час она была закрыта. Но подъезд соседнего здания, в котором размещается канцелярия сербской православной церковной общины, оказался незапертым.

Представившись секретарю общины, пояснил цель моего визита. Выясняется, что Никифор Вукадинович, которого Голенищев-Кутузов имел в виду, умер в 1944 году, не успев завершить свой труд. Но собранные им материалы бережно хранятся. Я могу прийти на следующий день и мне их покажут.

Молодой израиль Будемир Анджелич, заведующий архивом общины, предложил поделить объемистую стопу папок на две части. Приступаем к просмотру рукописей. Моя доля подходила к концу, когда Анджелич произнес: «А вот то, что мы ищем». Перед ним сверток бумаг с надписью: «Ризнич из Боснии».

Вылиси из документов, заметки Вукадиновича воссоздают историю торгового дома Ризничей, достигшего процветания при Стефане — отце Ивана. А вот и о нем — о прибывшем в Вене, ему, как проживающему в Триесте, предоставляется освобождение от второго и третьего брачного объявления. Триест, 9 сентября 1820 г.»

Переписанное от руки стихотворение «Простишь ли мне ревнивые мечты...» со ссылкой на издание Ф. Павленкова. И тут же рукопись статьи самого Вукадиновича об этом стихотворении...

Но писем Пушкина среди бумаг нет.

Николай ПРОЖОГИН

Возвращаемся к статье Вукадиновича. Разбирая элегию чуть ли не построчно, он выносит Амалии суровый приговор: «Она была превосходной кокеткой, обладавшей всеми средствами, необходимыми для побед в легкомысленном обществе, но не способной на подлинное чувство добродетельной женщины...» Дойдя до этого пассажа, Анджелич счел нужным напомнить, что статью писал священник.

Для меня она интересна другим: в ней не говорилось о письмах Пушкина. Трудно предположить, что автор не сказал бы о них, если бы знал об их существовании. Не передали ли «родственники-негоцианты Ризнич» Вукадиновичу книгу пушкинских стихотворений (по-сербски «песамма»), а не письма («писма»)? Кстати, о родственниках. Не живут ли они по-прежнему в Триесте? В общине сказали, что такового им неизвестно.

Но это еще не все. 17 (!) писем Пушкина, продолжал де Инконтрера, были в коллекции книг и рукописей «нешего ученого с многосторонними интересами священника и писателя монсиньора Уго Миони, что он сам подтвердил в письме, отправленном около 1930 г. профессору русской литературы Парижского университета князю Голенищеву-Кутузову» (!). Их судьба не известна. Миони умер в 1935 г., оставив рукописи и книги своему другу Дону Эджидио Малуза, который уехал миссионером на Дальний Восток и с тех пор о нем ничего не известно. Де Инконтрера запрашивал по почте Голенищева-Кутузова, вернувшегося в 1955 г. из эмиграции на родину. Но ответа не получил.

Чем более сенсационным все это выглядело, тем больше вызывало вопросов. Получить разъяснения от автора было невозможно. Он умер в 1969

фрагмент рисунка А. С. Пушкина

Вечером я был в гостях у преподавателя консерватории Равела Кодрича. Некоторое время спустя получаю от него по почте пакет со статьями о Ризничих из итальянских и югославских журналов, копиями архивных документов! Он и потом, когда я вернулся в Москву, продолжал присылать такие материалы. На протяжении многих лет собралось большое досье.

Среди присланных Кодричем материалов — статьи Оскара де Инконтрера, члена правления исторического общества «Минерва». Они опубликованы в триестинском журнале «Порта Ориентале». Первая, «Триестинка, адхониктальница Пушкина», основывалась на итальянских переводах стихотворений, связываемых с Амалией Ризнич. Вторая рассказывала о коммерческих операциях между Триестом и Одессой. О Пушкине и Амалии в этой статье лишь коротко упоминают. В третьей статье — «Любовь Пушкина — Амалия Ризнич» — говорилось о письмах Пушкина!

«Некоторые письма», писал де Инконтрера, хранились в архиве графов Вучетичей — потомков Анны Ризнич, младшей сестры Джованни, на их вилле в Сан-Джорджо ди Ногаро, провинция Удине. Владелица виллы Джина Вучетич сказала ему, что эти письма, как и портрет Амэлии, сгорели вместе с семейным архивом во время второй мировой войны. Однако «говорят», что другие письма Пушкина находились в Риме у родственницы Дж. Вучетич Ольги Малавази, умершей в 1960 г.

Более обещающим стал выглядеть последний адрес, когда выяснилось, что Ольга Малавази была русской. Дж. Вучетич не случайно ссылался на нее, говоря, что та знала подробности о письмах Пушкина. Прошло несколько лет, прежде чем Кодрич встретился с невесткой Ольги Малавази. Кстати, она тоже русская по происхождению. И от нее он услышал, что «по семейному преданию на вилле Малавази в Кастильнуво (ныне Горцо-Нои на территории, отошедшей к Югославии) был сундук, в котором хранились письма Пушкина к Амалии Ризнич». Вилла сгорела во время войны. «Семейное предание о сундуке» представляется подкупающе достоверной деталью.

КАК БЫ ТО ни было, если письма или автографы стихов к Амалии Ризнич находились когда-то в Италии, их уже давно нет. Что ж, по крайней мере проблема, поставленная Голенищевым-Кутузовым, закрыта. К тому же одновременно с их поиском удалось уточнить и дополнить некоторые ключевые моменты в короткой жизни той, что вдохновила поэта на создание шедевров лирики.

Не был известен год рождения Амалии. По моей просьбе чешский искусствовед Каета Кржижкова (ей мы обязаны публикацией галереи портретов друзей Пушкина Тизенгаузен—Хитрово—Фикельмонов, а я — возможностью пополнить ее портретом дочери Фикельмонов Элизабет кисти К. Брюллова) обратилась к своему венскому коллеге Теодору Баркетти. Вот что он сообщил.

Амалия Розалия София Элизабета Рипп (такое, оно, ее полное имя) ирречена 29 декабря 1801 г. в католической церкви Святого Иоганна Непомука. Очевидно, она и родилась в Вене в декабре того же года.

Самой запутанкой оказалась история с 17 письмами из коллекции Миони. Думаю, однако, что этот адрес был ложным. К такому заключению приводит бумага самого де Инконтрера, представляющего его сыном Кодричу. Из них видно, что темой Пушкин — Ризнич де Инконтрера заинтересовал приезжавший в 1957 г. в Триест шведский русист Герцель Иоффе, который в свое время о письмах Пушкина слышал еще от того же Голенищева-Кутузова. Обращаясь к последнему, де Инконтрера писал: «Я узнал, что один триестинский писатель, быть может, священник, около 1930 года, запрашивал у вас литературную информацию, и вы сообщили ему, что в Триесте имеется 17 писем Пушкина, адресованных Амалии Ризнич». Де Инконтрера просит назвать ему «имя этого ученого триестинца». Ответа не последовало, и мы сообщали ему, что в Триесте нет писем Пушкина.

В поисках Амалии Ризнич

В записи о крещении отец новорожденной Иоганн-Батист Прокоп Рипп значится домоуправителем, проживающим в Вене, Leopoldsdorfergasse, № 455. В 1834 г. при венчании младшего брата Амалии их отец, тогда уже покойный, назван по последней служебной должности директором канцелярии снабжения армии барона Виммера из Регена. Похоже, что банкиром, как считали в Одессе, он не был.

Из тех же документов узнаем имя матери Амалии: Франциска Вильгельмина, урожденная фон Диришмид. Пушкин должен был быть знаком с нею. В 1823 г. она провела несколько месяцев в Одессе. Обращая «ревнивые мечты» к возлюбленной, поэт упоминал о ее матери.

Сведения о национальности Амалии были противоречивы. Одни считали ее «полунемкой и полугицанкой, с примесью, быть может, и еврейского в крови», другие — «итальянкой родом из Флоренции». В воспоминаниях, опубликованных в 1906 г. в газете «Трговинский гласник», философ и теолог Алимпий Васильевич, учившийся в 1850-е годы в Киеве и общавшийся с Ризничей, писал, что Амалия была «сербкой из Воеводины». Не зная этой не известной и у нас версии, Баркетти предполагал, что фамилия Рипп может происходить от слова «репа» на одном из славянских языков, а Кржижкова обратила внимание на второе имя отца Амалии — Прокоп, популярного у западных славян святого.

Музыковед Душан Михалец, живущий в Воеводине (автономный край Республики Сербия), сообщил, что и сейчас там нередко встречается фамилия Рипп. Вера Обрадович, в девичестве Рипп, рассказала ему, что все они происходят от двух братьев, переселившихся на берега Дуная из Швейцарии в царствование Марии-Терезы. Один из братьев, женившись на еврейке, перешел в иудейскую веру, и его потомки считают себя евреями, потомки другого — «немцами-католиками». Если мать Амалии, судя по приставке «фон», вышла из среды немецкого дворянства, то от отца и из новых данных однозначного вывода не следует. Можно только сказать, что итальянское происхождение Амалии подтверждено не нашло.

Еще одно уточнение относится ко времени ее замужества. Кодрич снял копии с трех справок, требовавшихся Ризничей для вступления в брак. Так же как запись в церковной книге об освобождении его от второго и третьего объявления, они датированы сентябрем 1820 г. Тогда же, а не два года спустя, как полагали в Одессе, должно было состояться венчание. В ином случае Ризничу пришлось бы хлопотать о разрешении на брак заново. То, что первых два года супружества они провели порознь, тоже можно сказать на их несложившейся семейной жизни.

В Одессе говорили, что «г-жа Ризнич умерла, кажется, в бедности и, кажется, в Гене, признанная матерью мужа».

В 1927 году А. А. Сиверс опубликовал письмо Ризнич графу П. Д. Киселеву, начальнику штаба 2-й армии, расквартированной в Тульчине. Ризнич поставила для нее хлеб. Переписка была в основном деловой. Но в ней проскальзывали и личные мотивы. Так, к письму помеченному «Одесса, 26/8 июня 1825 г.», сделана приписка: «Я только что, в этот самый момент, получил печальное известие о смерти моей бед-

ной жены». Отмечая, что она сделана почерком, свидетельствующим о волнении писавшего, Сиверс считал, что «версии о смерти Амалии Ризнич в бедности, брошенной мужем и признанной его матерью, следует окончательно отбросить».

Правильно прочитанной, точнее — неправильно написанной, даты этого письма в комментариях к сочинениям Пушкина смерть Амалии стали обозначать маем 1825 г. Месяц июнь относился не к 8-му, а к 26-му числу. В газете «Осерваторе Триестино», № 7 за 1825 год, в списке скончавшихся значится, что Амалия Ризнич умерла 23 июня.

У меня в руках ксерокопия опубликованного де Инконтрерой документа — отпечатанный в типографии бланк. Вписанное в него от руки выделяю.

«Raport ob умерших, посещенных мною, нижеподписавшимся Инспектором. Год 1825 день 23 месеца июня. В № 54 Старого города, район Нижняя Кларбола, в 3 часа по полночи. Имя посещенного — гос-жа Амалия Ризнич, урожденная де Рипп, 23 лет. Жена Гос-а Джованни Ризнич, негодичная, бездетная. Умерла от хронической грудной болезни, Пол. Женский — 1. Число Умерших — 1. Скончалась в возрасте... от 17 до 40 лет — 23-х лет... Причина смерти. От обычной болезни — умерла от хронической грудной болезни... Похоронить 36 часов спустя. Триест. Уполномоченный Инспектор [подпись].»

А ВЕРШИНЕ господствующего над Триестом Капюлийского холма стоит собор Сан-Джусто. В XIV веке, построив среднюю его часть, объединили две церкви V и VI столетий. В полумраке мерцают золотистые мозаики. Сурово взрывают или смутно улыбаются лики высеченных из камня и дерева статуй святых. Здесь же аллебарда трибуна XV римского легиона, ставшего почитаемым в городе святым — изображение аллебарды Сан-Серджи вошло в герб Триеста. За собором мощные бастионы венецианской крепости. Вдоль одной из ее стен основания колонн обрисовывают контуры древнеримской базилики. Рядом памятник добровольцам, павшим в борьбе против австрийского владения, и парк памяти всех героев Триеста.

По склону холма в сторону моря — другой парк, замыкаемый внизу зданием музея древностей. Среди вечнозеленых деревьев и кустарников белеют архитектурные фрагменты античных сооружений, плиты с барельефами и надписями — летопись двухтысячелетней истории. До середины прошлого века здесь было кладбище Сан-Джусто. На нем и похоронены Амалия.

В письме к де Инконтрере Иоффе предлагал установить на стене музея памятную доску и нарисовал ее эскиз с текстом: «Здесь в 1825 г. обрела покой Амалия Ризнич, скончавшаяся совсем молодой. Но вся она не умерла, продолжая жить в бессмертных стихах отца русской поэзии Александра Пушкина». Строку с именем поэта на рисунке обрамляют две лиры. Далее стихи:

Твоя краса, твои страдания
Исцели в урне гробовой —
А с ними поцелуй свидания
Но жду его; он за тобой!..

Мне нравится этот текст с реминисценцией пушкинского «Памятника»:

Нет, весь я не умру —
Душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит...

Частичку своего бессмертия поэт передавал тем, кого воспеал.

«Думаю», — писал Иоффе, — музей возражать не станет. Если Историческое общество не сможет оплатить всех расходов, то, наверное, часть их, поскольку речь идет о славянском поэте, могла бы взять на себя церковь Святого Спиридона. Наконец, если кто-то обратится к русским, то они, я почти уверен в этом, оплатят все сами. В случае сомнений в Историческом обществе я готов, чтобы пробудить интерес к этой инициативе, приехать в Триест и прочитать лекцию «Триестинский негодичант в России прошлого века».

Из наброска ответного письма де Инконтреры: «Памятная доска. Очень трудно установить ее у Сан-Джусто. По политическим причинам невозможно обратиться ни к русским, ни к церкви Святого Спиридона (некатолическая). Сан-Джусто — священная зона религиозно и политически».

«Таков, к сожалению, Триест, — писал Кодрич. — Но времена, хотя и медленно, меняются...»

С тех пор прошло немало лет. Времена изменились до неузнаваемости. Хочется верить, что отныне имя русского поэта не затенит ни религиозного, ни политического чувства в этом священном месте. Ближайшие 200-я годовщина рождения Пушкина. Памятная доска с его именем — первая в Италии — стала бы скромным даром памяти поэта в стране, которую он так мечтал увидеть. В ее романтический образ для него входили и «адратические волны», плещущиеся о причалы триестинского порта.